

М. Н. Загоскин

Искуситель

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
3-14

3-14 **Загоскин М.Н.**
Искуситель: Часть 2 / М. Н. Загоскин – М.: Книга по Требованию, 2021. –
243 с.

ISBN 978-5-518-10850-9

ISBN 978-5-518-10850-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отечеству. Встрѣчая дурное на своей родинѣ, онъ горевалъ, а не радовался, не спѣшилъ указывать 'пальцемъ на каждое черное пятно и не щеголялъ передъ иностранцами своимъ презрѣніемъ къ Россіи. Совершенно чуждый этой исключительной и хвастливой любви къ отечеству, которою гордились нѣкогда наши предки, онъ любилъ все прекрасное, какому бы народу оно ни принадлежало; но только прекрасное свое радовало еще болѣе его сердце; а онъ находилъ это прекрасное и въ своемъ отечествѣ, потому что не искалъ въ немъ одного дурнаго. Однимъ словомъ, этотъ молодой человѣкъ, не смотря на свое Европейское просвѣщеніе, вовсе не походилъ на этихъ жалкихъ проповѣдниковъ Европензма, для которыхъ все сряду хорошо чужое и все безъ исключенія дурно свое. Онъ живетъ теперь въ .

моемъ сосѣдствѣ. Сколько разъ, читая вмѣстѣ со мною какую нибудь новую выходку противъ Русскихъ художниковъ и писателей, онъ смѣялся отъ всей души надъ пустословіемъ и безсильной злобою этихъ грозныхъ судей, которые стараются изъ-за угла забросать всѣхъ своей природной грязью. «Бѣдные мученики!» — говоритъ онъ всегда, — «ну изъ чего они хлопочуть? Ихъ имена или исчезнуть вмѣстѣ съ ними, или передадутся потомству какъ условныя названія скупыхъ и лицемѣровъ, оставленныя въ наследство нашему вѣку безсмертнымъ Мольтроу, который, къ сожалѣнію, не успѣлъ заклеить никакимъ общимъ и позорнымъ названіемъ этихъ литературныхъ трутней, оскверняющихъ все своимъ прикосновеніемъ.»

Время было прекрасное; не смотря на то, что дѣло шло ужъ къ осени,

и что у насъ Сентябрь мѣсяцъ почти всегда смотритъ Сентяремъ, день былъ жаркой, на небѣ ни одного облачка, и самый пріятный, лѣтній вѣтерокъ чуть-чуть колебалъ осенній листъ на деревьяхъ; мы всѣ согласились ѣхать въ Коломенское; хотя это историческое село, которое долго почиталось колыбелью Петра Великаго, не далѣе пяти верстъ отъ заставы; но мнѣ не удалось еще побывать въ немъ ни разу. Сначала древняя церковь Вознесенія и разбросанные кой-гдѣ остатки знаменитыхъ Коломенскихъ чертоговъ, которыми нѣкогда дивились послы и гости иноземные, обратили на себя все мое вниманіе; но когда мы обошли временныя палаты, построенныя Екатериною второй, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ встарину возвышались шести-ярусные терема, и красивыя вышки любимаго потѣшнаго дворца

Царя Алексѣя Михайловича, то очаровательный видъ окрестностей села Коломенскаго заставилъ меня забыть все. Внизу, у самой подошвы горы, на которой мы стояли, изгибалась Москва рѣка; за нею, среди роскошныхъ поемныхъ луговъ, подымались стѣны и высокая колокольня Перервинской обители; далѣе обширныя поля, покрытыя нивою, усѣянныя селами, рощами и небольшими деревушками. Верстъ на десять кругомъ взоръ не встрѣчалъ никакой преграды: онъ обѣгалъ свободно этотъ обширный, ни чѣмъ не заслоняемый горизонтъ, который, казалось, не имѣлъ никакихъ предѣловъ.

— «Какой очаровательный видъ!» — вскричалъ я; — «да это прелесть! И я живу третій годъ въ Москвѣ, а не бывалъ здѣсь ни разу?»

— «То-то и есть,» — подхватилъ Возницынъ; — «мы видно всё на одинъ по-

крой: ѣдимъ за тридевять земель, чтобъ посмотреть на что нибудь хорошее, а не видимъ его, когда оно близехонько у насъ подъ носомъ.»

— «Да неужели ты думашь» — сказали съ улыбкою князь Двинской — «что этотъ обыкновенный и пошлый видъ въ самомъ дѣлѣ очарователенъ? Небольшая горка, ничтожная рѣка, монастырь, въ которомъ строеніе не Греческое, не Готическое, не Азіятское, а Богъ знаетъ какое, нѣсколько десятинъ луговъ и сотни двѣ разбросанныхъ по полю безобразныхъ избъ — ну есть чѣмъ любоваться!... Охъ вы господа Русскіе!... Вамъ все въ диковинку!»

— «Русскіе!» — повторилъ Возницынъ. — «А ваше сіятельство Французъ чѣмъ?»

— «Не Французъ, да побольше вашего видѣль. Посмотрѣли бы вы Швейцарію....»

— «Да къ чему тутъ Швейцарія?» — сказала Закамской; — «и что общаго между Альпійскими горами и берегомъ Москвы рѣки? Конечно и въ Саксоніи множество видовъ лучше этого....»

— «Ну вотъ слышите!» — закричалъ князь.

— «Да только это ничего не доказываетъ» — продолжалъ Закамской; — «и въ чужихъ краяхъ и въ самой Россіи есть мѣстоположенія гораздо красивѣе; но и этотъ веселый сельской видъ весьма пріятенъ и я всякой разъ имъ люблюсь.»

— «Изъ патріотизма!» — сказала Двинской съ насмѣшливой улыбкою.

— «Да погляди кругомъ, князь! Развѣ это дурно?»

— «Конечно не дурно, потому что у насъ нѣтъ ничего лучше....»

— «Вокругъ Москвы? быть можетъ! Но поѣзди по Россіи....»

— «Нѣтъ, ужъ я лучше останусь въ Москвѣ. Послушай, фонъ Нейгофъ,—вѣдь ты философъ,—скажи: не правда ли, что изъ двухъ золъ надобно выбирать то, которое полегче?»

— «Неправда!» — отвѣчалъ магистръ. «Гдѣ болѣе зла, тамъ болѣе и борьбы; а гдѣ борьба, тамъ есть и побѣда.»

— «Вотъ еще что выдумалъ!» — вскричалъ Возницынъ; — «а если я не хочу бороться?»

— «Не хочешь! да вся наша жизнь есть ничто иное, какъ продолжительная борьба, и чѣмъ геніальнѣе чело-вѣкъ, тѣмъ эта борьба для него блистательнѣе. Развитіе душевныхъ силъ есть необходимое слѣдствіе....»

— «Бога ради!» — перервалъ князь — не давайте ему говорить, а не то онъ перескажетъ намъ всего Эккартсгаузена, отъ доски до доски.»

— « Не смѣйся, князь! » — сказалъ Закамской, — « нашъ пріятель Нейгофъ говорить дѣло; да воть, на примѣръ: не всю ли жизнь свою боролся съ невѣжествомъ этотъ необычайный геній, который родился здѣсь въ селѣ Коломенскомъ? »

— « Неправда! » — перервалъ Нейгофъ. « Историкъ Миллеръ доказалъ неоспоримыми доводами, что Петръ Великій родился въ Кремль. »

— « Быть можетъ » — продолжалъ Закамской; — « только здѣсь, въ Коломенскомъ, онъ провелъ почти все свое дѣтство. Здѣшній садовникъ, Осипъ Семеновъ, рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ частехонько игралъ и бѣгалъ съ нимъ по саду. »

— « Какой вздоръ! » — подхватилъ Возницынгъ. — « Сколько же лѣтъ этому садовнику? »

— «Да только сто двадцать четыре года» *.

— «Miséricorde!» — закричалъ князь; «сто двадцать четыре года!... Да развѣ можно прожить сто двадцать четыре года?»

— «Видно что можно.»

— «Ахъ, батюшки!... Сто двадцать четыре года!... Ну если мой дядя... Да нѣтъ, нынче не живутъ такъ долго.»

— «А ты вѣрно наследникъ?» — спросилъ Возницынъ.

— «Единственный и законный,» — отвѣчалъ князь, вынимая свои золотые часы съ репетиціею. — «Господа!» — продолжалъ онъ — «половина втораго; теперь порядочные люди въ городѣ завтракаютъ, а мы въ деревнѣ, такъ не пора ли намъ обѣдать?»

* Этотъ старикъ умеръ въ 1801 году.

— «А гдѣ мы объдаемъ?» — спросилъ Закамской.

— «Разумѣется здѣсь, на открытомъ воздухѣ!» — отвѣчалъ Возницынъ. — «Я велѣлъ моему слугѣ приготовить все — вонъ тамъ внизу, въ рощѣ.»

— «Какъ! въ этомъ оврагѣ?» — сказалъ князь.

— «Такъ чтожъ? Тамъ гораздо лучше; здѣсь печетъ солнцемъ, а тамъ, посмотрите, какая прохлада; что дерево, то шатерь, — вѣкъ солнышко не заглядывало.»

Мы всѣ отправились за Возницынъмъ; прошли шаговъ сто по узенькой тропинкѣ, которая вилась между кустовъ, и непримѣтнымъ образомъ очутились на днѣ поросшаго лѣсомъ оврага, или лучше сказать узкой долины, которая опускалась пологимъ скатомъ до самаго берега Москвы рѣки. Колосальные кедръ, пихты, вязы и липы покрыли